

Серия
«Скифия: Антология сетевой поэзии»

Время года — надежда

**ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ**

Скифия
Санкт-Петербург
2012

ББК Я4 94
В81

Время года — надежда

В81 Время года — надежда/ Сост. Т. Помысова. — СПб.: Изда-
тельско-Торговый Дом «Скифия», 2012. — 416 с. — («Скифия:
Антология сетевой поэзии»).

Этой книгой издательство «Скифия» продолжает книжную серию «Скифия: Антология сетевой поэзии». Приглашаем всех современных авторов к участию в отборочных циклах серии. Заявки принимаются по электронной почте **skifiabook@mail.ru**

ББК Я4 94
В81

При оформлении обложки использован автопортрет Татьяны Помысовой.

ISBN 978-5-903463-87-9

© Коллектив авторов, 2012
© ИТД «Скифия», 2012

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогой читатель!

К тебе в руки попал тринадцатый том «Антологии сетевой поэзии» — «Время года — надежда». Книга теплая и лирическая, очень воздушная, но в ней присутствуют и гражданские нотки, этакий политический рэп, отражающий нынешние реалии.

Основной костяк сборника составили поэты международного поэтического сообщества «Проба пера», московские поэты из «Русского переплета» и «Подвала № 1», петербургские авторы, члены Межрегионального союза писателей.

Желаю приятных часов, проведенных за чтением сборника!
Буду рада получить отзывы о книге.

Темнота не удержит
Пробужденье от сна
Время года — надежда
Символ жизни — весна!

(Д. Фролов-Буканов)

У природы, как известно, 4 времени года. И, простите за банальность, нет плохой погоды. Но весна — пора особенная. Пробуждение. Оживление. Утро года. Смена знака с минуса на плюс. И — время надежд и их осуществлений.

Без веры жить можно.

Без любви — тоже можно, но тошно.

Без надежды — нельзя.

Надежда наполняет душу светом, радостью и позитивом. Вселяет силы. И неспроста ассоциируется именно с весной. К сожалению, весна не может продолжаться вечно. Это было бы противоестественно. Но пусть у нас всех она длится дольше. И повторяется чаще. А надежда в нас пусть живет всегда. В любое время года.

Написание прозаического предисловия к поэтическому сборнику — дело неблагодарное. И, в общем, не нужное. Поэтому не буду больше испытывать твое, дорогой читатель, терпение и отвлекать внимание. Приятного тебе чтения, ценитель поэзии. И пусть оправдаются твои лучшие надежды.

Составитель тома, Татьяна Помысова
Tanya@pomysova.ru

01

Василий Теронитус

/

Лазурные волны

Позабуду страдания скучной цифири,
от компьютера спрячу лицо утомленное.
Не осяду в разумно устроенном мире,
не спрошусь никого и отбуду в зеленое.

Мелкий миропорядок и пальцем не трону,
потеряюсь в полнейшей неопределенности.
Не откликнусь ни по одному телефону,
возрастая в своей от всего удаленности.

Долго бродят в глухой пустоте следопыты,
подвергая меня понапрасну ручательству.
Все наружные входы ко мне перекрыты,
и нельзя помешать моему помешательству.

Василий Теронимус

Какой-нибудь мой предок был татарин,
потерян я в краю, где нет вестей,
и вот уже весны раствор заварен,
что крепостью сильнее крепостей.

Беру с собой лихих столетий ношу,
от бешеного жара сам не свой,
веленья долга лживого отброшу,
предамся древней воле полевой.

Исполненная вечного коварства,
невидимые цепи бей, круши
и в пустоши свои миры и царства,
препятствий не страшась, душа, верши.

Чудной страны сияющее диво,
чей вид на удивленье дик и прост,
отчаянья стеной встает крапива,
равняясь человеку в полный рост.

Наверное, и я не чужд разбою,
презрев высокомерье разных школ,
взбесившаяся кровь, играй с судьбою,
безудержно твори свой произвол.

Лазурные волны

Нет, сегодня я не пил обиды ни грамма,
но откуда-то ливнем нахлынула грусть.
Поплыла в высоту моя кардиограмма,
и работа валится из рук — ну и пусть!

Не найти и малейший для паники повод:
я прописан в Москве, у меня есть сестра.
Может быть, хулиганский невидимый провод
подключил меня к боли вселенной с утра?

Так скорее, скорее рассоедините
два смертельных безумства, два ярких огня!
— я клянусь Небеса, но в невиданной прыти
фортепьянная дрожь охватила меня.

Восхождение в выси — престранная штука;
где вы — братья, сестра? что со мной, не пойму!
Возрастают стремительно радость и мука,
шторм и музыка, данные мне одному.

Василий Теронитус

Как бессмысленно все!.. Наша жизнь — это лишь кинопроба;
все мы, все мы у жизни немного случайные гости.
Не успел оглянуться — и в доски луженого гроба
время сильной рукой забивает упорные гвозди.

Но уж если и жить мне, то жить поминутно сгорая...
и гоня строптивых коней по огромному полю,
порезвиться бы, в шахматы с самою смертью играя,
сгоряча рассмеяться б навзрыд и поплакать бы вволю!

Хорошо подниматься к вершинам и в пропасти падать
в неустанном кружении бешеных тряских качелей.
Безоглядная осень размашисто дарит на память
маете под названием вечность огни ожерелий.

Как же горестно все!.. и взволнованных мыслей горячность
постигает высокие числа удар за ударом.
Бегу послано высвобождение. Жизни пустячность
в подмосковной истоме охвачена светлым пожаром.

Лазурные волны

Осыпается пепельный август в узорочье дачном,
кое-где от жары травянистая краска поблекла.
Вот в оконные выемки вставили новые стекла,
я хотел бы до жгучей слезы быть таким же прозрачным.

День наполнен рассеянным гулом пустой стеклотары,
безделушками звездных осколков завалены ночи.
Вот идет через двор в запыленной спецовке рабочий,
член угрюмой бригады строителей, опытный, старый.

Юркий еж поспешает в траву за спасительным кормом,
в объяснимом стремлении выжить чуть-чуть насторожен.
Как бы уймой цветных фотографий успешно размножен
мир, исполненный грусти, богатый по видам и формам.

Я приветствую каждую пядь истязуемой тверди,
предвечернего солнца вверяюсь лучу золотому,
от движенья усталой земли ощущаю истому,
все пронизано ясно заметным присутствием смерти.

От житейской тщеты перебежчику некуда деться,
вот бы в недрах поселка от зноя нещадного скрыться,
вот бы в звоне берез, в глухомани заборов забыться,
вот бы в мороке лета воздушной трухой разлететься!

Василий Теронимус

Я

В ветхих ботах зябну как старик,
объявили заморозки в марте.
А окрест — мой гиблый материк,
не найти вовек его на карте!

Между мной и миром вообще
не ищите внятных соответствий!
Я пришел в изодранном плаще
из моих далеких путешествий.

На заледенелый тротуар
отрясая пыль тысячелетий,
я живу, душой еще не стар,
в слабом мерно падающем свете.

Своеволье, крепкое, как брань,
разбивает смерти постулаты!
Переходят видимости грань
вечные мои координаты...

Чуть кривится круглый контур рта,
я клюкой кумиры мира рушу!
И пустынных улиц маета
протомила стеклами мне душу.

Лазурные волны

Деловая сестра глуповатых истерик,
повсеместно царит нервотрепка весенняя,
сотрясает глухие железные двери
и врывается путаницей в учреждения.

Я ж до слез утомлен маемой солнцепека,
не в ладах с Интернетом, в раздоре со временем,
отболевшей душой пребываю далеко,
я объят до беспамятства грустью сиреневой.

Я компьютерных данных столетиями старше,
и рассеянье в лете миров нескончаемо.
Уж давно на автобусы все опоздавши,
я мелодикой чувств обитаю в неизвестном!..

Как же лес проводов своевольных безмерен!
Страшно разноречивы тепла ощущения!
Я порою и в том, стоит ли жить, не уверен...
Кто дарует просчетов людских отпущение?..

В беспорядочной бездне извечных вопросов
по отделам привык непрестанно метаться я,
и судьбе не плачу подобающих взносов —
— идиотская, вам доложу, ситуация!

Василий Теронимус

В отчий дом из зыбей я бесспорно, бесспорно вернусь,
запыленную бронзу годов не успею растратить...
Только белой сирени отчетливо белая грусть
заливает прибором просторную белую скатерть.

Ну, а жизнь молодежи кипит неустанно вокруг,
и прекрасная будущность видится властно, как море.
Только быт у меня продолжает валиться из рук,
подбирается к горлу хмельная горячая горечь.

До смертельной изжоги томит меня солнечный день,
в обстановке избыточных благ я могу задохнуться!
Дайте, дайте мне певчей душой окунуться в сирень
и на хмурое прошлое дайте хоть раз оглянуться!

Я открою, открою балконную дверь широко,
лейся в ветхую комнату вешняя свежесть из сада!..
Я свободными пальцами клавиш касаюсь легко,
только боли, упорно изжитой, касаться не надо.

Лазурные волны

Я опасные язвы и трону, но только чуть-чуть,
я не буду, не буду яриться в припадке, скандаля!
Лучше в облаке белой сирени навек утонуть,
заблудиться на тысячу лет в черном блеске рояля.

Я довольно, довольно плутал по пещерам метро,
наш земной постоянный рельеф с виду кажется ясен.
Но на самом-то деле волнуют нас бездны миров;
не пора ли от шума уйти наконец восвоеси?

В отчий дом из зыбей я бесспорно, бесспорно вернусь,
запыленную бронзу годов не успею растратить...
Только белой сирени отчетливо белая грусть
заливает прибоем просторную белую скатерть.

Василий Теронимус

В жаркий полдень в Тарусе на кладбище старом прохладно,
окружает усопших ольшаника темная ночь.
Здесь под белой скалою приют обрела Ариадна,
в синих росчерках елей — великой Цветаевой дочь.

А в ненастной Елабуге страшно сильны расстоянья —
там узнала Цветаева горечь последних обид...
Нелюдимою толпой обступили меня изваянья,
прохожу, оробелый, вдоль дремлющих мраморных плит.

В промежутке меж ветками памятник вижу неброский,
терпеливый свидетель горячих отчаянных лет.
Здесь покоится в шорохе свежей листвы Паустовский,
что во вдумчивой прозе оставил сиятельный след.

Ну, а далее под безмятежною сенью небесной
разрослась непомерно крапива, густая, как хмель.
В поле ржавой ограды лежит человек неизвестный,
ныне став обладателем щедрых славянских земель.

Лазурные волны

До чего же окрест разрослись лопухи своевольно!
я предательски ранен безвестной и странной судьбой...
Не вмещаясь во мне, сердце екнуло въедливо больно,
точно я сумасшедший — и вот говорю сам с собой.

Как же это надгробье в лесистой сырой глухомани
с покривившейся вечно калиткой в больших лопухах
тишиною своею меня подсознательно манит,
хоть и будит во мне объяснимый осмысленный страх.

На земле я чужой... тень со свету меня выселяет...
коль я часто впадаю с собою и миром в раздор,
на старинном погосте прекрасно меня впечатляет
вид пустынной ограды и ржавчины вольный узор.

Василий Теронимус

Предзакатное солнце лучом осторожным
осветив методично верхушки травинок,
равнодушно скользит по камням придорожным;
я брожу по аллеям, не зная ботинок.

Спелый дерева плод ударяется оземь,
вот и уши наполнились яблонным звоном.
Поздний возраст земли предвещает нам осень,
но проходят прогулки, как прежде, в зеленом.

Приближение холода легким уколом
в затяжную минуту сжимает предсердье.
Но сорву я горсть яблок таким же веселым,
внятно чувствуя кожей судьбы милосердье.

Постоянное время чудовищно длинно,
и палящее солнце мне резко приелось.
Мной осознано прожита лишь половина,
я вступаю, как в реку, в понурую зрелость.

Но и смерти самой мне дано не бояться,
божество своенравное вечно со мною.
Я и в мертвой пустыне готов засмеяться,
между тем, как земля остывает от зноя.

Лазурные волны

Предосеннею сыростью веет из сада,
не видать ни души на пути опустелом.
С листьев яблонь небесная льется прохлада,
я почти оживаю изношенным телом.

Сколько верст исходил я засушливым летом,
беззаботно шурша вековыми камнями!..
Предвечернее солнце с прощальным приветом
пешехода последними дразнит огнями.

Только хрупкая муза ужасно иззябла,
потому что диковинный сад увядает...
И отчаянный цвет вызревающих яблок
золотистым дождем на траву упадет.

Василий Теронимус

В стремительной жизни, что родственна бездне,
возможен период развития новый.
Твердили, что белый бесследно исчезнет,
его деликатно подменит лиловый.

Но я с неизбежным оттенком печали
взираю на то, что грядет перемена,
и если инверсию вслух обещали,
то пусть уж проводят ее постепенно.

И нужно морально меня подготовить
к несносному нервам уклону событий.
Душа не приемлет искусственной нови,
взывая к прошедшему: белый верните!

Скорее, скорее сестре сообщите,
что этот лиловый мне станет ударом,
что новшеств удушливых я не любитель,
что я неизбывно тоскую о старом.

Не стоит стараться меня успокоить,
душой от того я не стану лиловой.
Мне нужно себя как компьютер настроить,
чтоб сжиться с панелью глупейших условий.

С мечтою в лиловом мы только соседи,
зато узнаваемой вечности следом
меня подвигает к бескровной победе
живительно белый, что в сговоре с летом.

Лазурные волны

Над природой довлеет поэзии страшная сила,
не унять и железом упрямой стремительной грусти!
До подкорки сознания нещадно меня истомило
возвышающим горем горячее лето в Тарусе.

Я ступаю в молчанье в разрядку по каменным плитам,
мерным прямоугольникам ведома бега граница.
Только буйство души не сдержать надлежащим лимитом,
ширина горизонта не знает, куда поместиться.

Я хожу по земле; я плутаю рассеянным взглядом
в осадившей обочину тьме лопуха и крапивы;
достигают комет электричества мощным разрядом,
потрясая и крепи моих устремлений извивы.

Я стараюсь держаться в пути образцово и стойко,
и бордюры упорные немо велят мне остынуть.
Только жгучие слезы отчаянно, как из брандспойта,
зрелым ливнем готовы на пыльные пажити схлынуть.

Я целую траву. Обмирая от боли звериной,
по горячим ступеням зари пробираюсь в верховье.
Как же глупо, что я не приемлю ни в чем половины,
жизни формам тщедушным огня предпочтя полнокровье!

Здравствуй, светлых холмов наважденье — легенда — Марина!
я взываю к тебе из безвременья, — жарким и рыжим.
Я в житейской печали окреп, как гончарная глина,
исступленьем бузинным дотла, до беспамятства выжжен.

Василий Геронимус

Набирая дыханье, проносится ветер в овраге,
Наливаются цветом рябины горячие грозди.
Мы в пустых завихренях ослепших судеб бедолаги,
мы на празднике жизни лишь беглые пестрые гости.

Своенравная осень проворно кусты изжелтила,
от рябиновой горечи резко заныло под сердцем;
но какая-то мне самому непонятная сила
увлекла меня ввысь, повелела мне быть сладкопевцем.

Я забился на месте, испуганный, будто в ознобе,
разве можно и впрямь наплевать на предчувствие смерти?
Вдохновенья небесный огонь мой рассудок коробит,
как колотит рябину веселый заносчивый ветер.

Беспорядочный гений в развязном насмешливом тоне
говорит свысока, что и жизнь — это глупая шутка.
Мне поспорить бы с ним, но в моей потеплевшей ладони,
оживая, трепещет упругая легкая дудка.

До чего же певучи причудливых веток извивы!..
как запущенный сад дан маршрут мой зигзагообразный...
как сквозь толщу камней прорывается хохот строптивый,
сквозь неверье нисходит ко мне пламень изжелта-красный.

Прихотливо губителен этот сиятельный жребий;
я не помню себя, и рябина волнуется тоже.
До чего же в разоре отчаянных великолепий
исступленьем художества я и рябина похожи.

Лазурные волны

Солнцу лета в ответ говорю я с улыбкой: спасибо!
но претит мне оттенок в успехе запрятанной фальши.
Ведь светило умом отстоит от меня еще дальше,
чем сосед океана — роскошный песок на Карибах.

Прогоревшей душой отрекаюсь от шумных язычеств,
с нетерпеньем во взгляде дни пыльного лета считая...
Проще век коротать на окраине дикой Китая,
чем подобно Икару с жестоким светилом граничить.

И путевка бесплатная в жаркие сочные Сочи
вряд ли снулую душу взаправду обрадовать может.
Только нервов живых окончания смутно тревожит
королевской походкой на землю сходящая осень.

В Евпатории отдых не нов, как машина «Победа»,
и горячий асфальт до последних зазубрин изъезжен.
Потому, вероятно, я празднично грустно разнежен
не крикливым разгаром, а сдержанным отсветом лета.

Так порой человек, избегая сторонних сообществ,
отдает предпочтение скромному кругу знакомых.
Скоро, скоро волнистая свежесть московской истомы
прихотливой печалью большие глаза мне промочит.

Василий Теронимус

Разрослась крапива во рву
в диком огненно-рыжем цвете.
Я листок осины сорву
как последнюю грусть о лете.

Сентября прозрачные дни
невесомы, как стеклотара.
Протоми меня, протоми,
листопад чистотой пожара!

Ах, чужбина — разор души...
поле дрема неизмеримо,
иссуши меня, иссуши
горьким вкусом беды и дыма!

В шаге к смертному рубежу
славно душу травой разнежить.
Ухожу в отбой, ухожу,
ухожу в ветровую свежесть.

Перезвон далеких осин
прогоняет обморок снулый.
Равнодушный лес лабиринт
блещет тонкостью кубатуры.

Лазурные волны

Свет трава истлевает как спичка,
успевая меня раскарябать.
В два холодных огня электричка
удаляется в желтый сентябрь.

Мне цветы говорят: до свиданья,
мертвый ветер не ведает правил.
Возраст тления без опоздания
щедро кисти рябин окровавил.

И в сосновом кладбищенском хрусте,
улетая в колючую бездну,
не укрыться от трепетной грусти,
от себя самого не исчезнуть.

В мирной россыпи звездных осколков,
глыба солнце, тебя я миную.
От низин, от людских кривотолков
уплываю в тоску неземную.

Здравствуй-здравствуй, лоскутница осень,
не разбить, не разъять наши руки!
И уже ни о чем мы не спросим
у себя в чудной музыки муке.

ПАМЯТИ АХМАДУЛИНОЙ

Пролетело мальчишеской былью цветистое лето,
в необъятном заснеженном парке считалка забыта...
Наступает предзимье. И щедрое сердце поэта
очистительной боли колючей вселенной открыто.

Наподобие бездны немой проводов оголенных
растопырены в хаос светил обнаженные нервы.
В недоступной страстям вышине хмуро шепчутся клены;
смерть устала считать, кто уходит последний, кто первый.

В возрастающей в пажити прошлого лиственной дрожи
понемногу слабеет упругой земли притяженье.
В обветшалом плаще истонченную чувствую кожей
как упорные иглы ежа холодов приближенье.

Все прозрачней становится воздух в испытанных легких,
в помертвелом саду не видать ни души ни единой.
Только голос мучительно близкий и страшно далекий
временами проходит сквозь изгородь хвои рутинной.

Крепнет лед. Как же пусто в подлунном причудливом мире,
где разлита кленовая горечь, и Беллы не стало...
Поглядите же, люди: все невероятней и шире
с грустной ясностью крылья в сиянье зима распластала.

ОТ УСТАЛОСТИ

Странен счастья взбесившийся маятник. Были дожди,
сотрясая грамматику яблонь. А нынче теплеет.
Обновившийся мир, оставляя туман позади,
от жары небывалой здоровыми легкими млеет.

Излучениям щедрого солнца я рад и не рад;
с каждодневным вращеньем земли мы становимся старше.
Как роняет плоды перезрелые яблонный сад,
так я пальцы терзаю, по клавишам их разбросавши.

В блеске темных очков я похож на горячий рояль,
забывая себя торопливо в ничто невесомом.
В своевольном смятии чувств не пойму: это я ль
или нервы упругого времени, сжатые комом?

Не разъять вязких проволок, не изничтожить кольца
обступивших развалины сердца бесчисленных бедствий...
Остается блюсти безупречную свежесть лица,
меж собой и вселенной пунктирных ища соответствий.

Не беда, что от пыльного лета я весь изнемог,
и в глазах потемнело от длительной жгучей истомы.
Я способен ожить, если входит ко мне на порог
вдохновения трепетный холод, мой вечный знакомый.

А курортов палящему солнцу я рад и не рад,
приближаясь к роялю в своем старомодном демарше...
Как роняет плоды перезрелые яблонный сад,
так я пальцы вздымаю, по клавишам их разбросавши.

GENIUS LOCI

Слова испестрили внушительный глобус,
туристам полмира придется по вкусу.
Но вот на Тарусу уходит автобус,
я острым чутьем избираю Тарусу.

И пусть безбоязненно произрастает
там в пустоши поля трава по колено,
пока там затейливый гений витает,
доступен душе разговор со вселенной.

Являлся там Рихтер. Жила там и пела,
увы, ненадежно судьбою хранима,
подвижница интеллигентности Белла,
балетную сутью тонка и ранима.

Всечасно сгорая в усердной работе,
как кипень, она своевольно и дико
весь век прожила на пронзительной ноте,
местами почти доходящей до крика.

Чистейшую ноту она додержала
и пальцы по гребню из струн распростерла.
Лишь гибель ей губы горячие сжала,
певунью схватив за лебяжье за горло.

Лазурные волны

Сияющей музыки властное горе
в чумном истечении не знает лимита.
И вот на тарусское каждое взгорье
гармония с щедрого Неба пролита.

И вчуже мир замер. Как мало нам надо!
Приняв во вниманье, что жизнь быстротечна,
нам надо до колик, до слез, до упаду
свое назначенье нести безупречно!

О да, поначалу еще неумело
мы жаждем понять, от ошибок понуры,
как сумрачный мэтр и субличная Белла
усвоили судеб своих партитуры.

В извилистом поиске внятных открытий
давно озадаченный разум томится...
Бессчетное множество жгучих наитий
велит мне в Тарусу сердечно стремиться.

Пусть ветер дорожный мне дико взъерошил
прическу. Как сорные травы заброшен,
в рассеянье я неподвиженно ожил.
Как быть? Из летучих материй я сложен.

Покрыта прозрачно земная орбита
глухих километров сухим алкоголем.
Мой голос безудержным плачем пропитан;
Тарусой и Беллой я празднично болен.

РАЗГОВОР С НЕБОЖИТЕЛЕМ

Близок пышный сентябрь. Так и Пушкина смелое солнце размыкает страдальческой ясностью смерти оковы, прихотливо блестит в величавой классической бронзе, золотится с прозрачной грустинкой на листьях кленовых.

Опекушиным Пушкин — загадочно легкий и гибкий, чуть подернутый мерно спадающей охрой загара, вдохновенно изваян в сиянии полуулыбки, озарившей внезапно длинноты Тверского бульвара.

Губ сведенных усмешка мощнее любой фотовспышки, легче пуха лебяжьего, скальной сильнее громады... цепкий пушкинский разум постигнет и наши страстишки, меж различных времен свысока сокрушая преграды.

Восприимчивой к звукам души безупречная мера в непрерывной капризов игре необъятна, как море! Чуть склоненный над прямоугольными плитами сквера, Пушкин тихо царит, в головном не нуждаясь уборе.

Лазурные волны

А в волнистых туманах московское небо дождливо,
фонарей старомодных футляры прогорклы и ржавы.
Со скамейки привстав, вы спросите поэта учтиво,
как он выжил в условиях северной хмурой державы.

Своим видом сиятельным членораздельно и чинно
Пушкин молвит в ответ, что Творец одарил его щедро,
дав горячему гению сдержанный нрав славянина
и отчаянно жить нетерпение дерзкого негра.

А сентябрь наступает... И Пушкина вещее солнце
размыкает страдальческой ясностью смерти оковы,
прихотливо блестит в величавой классической бронзе,
и с прозрачной грустинкой сияет на листьях кленовых.

ОСЕННИЙ РЕБУС

Одряхленье лесов в полудреме осенней
не по внешним чертам, а по призрачной сути
внятно чувствам пронзительней и современной,
чем отлично сработанный чудо-компьютер.

В блеске матовом легкая шероховатость
почему-то решительно не раздражает,
а напротив страдальчества странную радость
неуклонно в душе просветленной рождает.

Долгим взглядом брожу в небесах невесомых,
там круженье читается листьев кленовых,
желтизной шелковистой до дрожи знакомых
и глубокими жилками все-таки новых.

Что с природой усталой земли происходит?..
в вековечной тиши фонари зажигая,
стеклянистая осень в Калугу приходит,
все такая же будто, однако — другая.

Мерно стрелка часов шевелится по кругу,
знаменуя времен годовых повторенье.
Но вращенья земного охрипшему звуку
всякий возраст иное дает ударенье.

Мы как осень цветные наряды наденем,
но и в смене явлений блистая нарядом,
как учил Заболоцкий, себе не изменим
в пестроте увяданья и с гибелью рядом.

Лазурные волны

Мне звонят с иступлением по телефону,
в трубке сдернутой слышится голос знакомый.
Задушевым приветом я все-таки тронут,
хоть и болен до хрипа осенней истомой.

Уж дыхание смерти поблизости бродит,
порождая вокруг расстояний длинноты.
И, однако, до памяти сердца доходит
сквозь препятствия сила пронзительной ноты.

То внезапно появятся, то отдалятся
интонации голосового сигнала.
Необъятное море живых модуляций
остается в запасе у музыки малой.

Нервов смех то звучит чуть заметно картаво,
то стихает за гладким умеренным тоном,
точно вьюги осенней исчадий орава
практикует игру на шнуре телефонном.

И жилья человеческого мертвенным фоном
равнодушно зияет в природе разруха...
К накалившейся трубке с пугливым наклоном
у всего абонента повернуто ухо.

Василий Теронимус

Из распахнутой бездны колючие звезды
с исступленьем бессонным глядят на Калугу.
Мы с тобой неустанно сквозь годы и версты
поспешаем с приветом всегда друг ко другу.

Упадают, летя, на могильные плиты
в безразличье листы отцветающих кленов.
Но исправно работают сердца магниты,
оголенные области нервов затронув.

Этой звонкой тоски, этой трепетной грусти
расстояний тщетой не избыть, не развеять.
Ветви кленов в тугом металлическом хрусте
простираются жертвенно ввысь, индевея.

Льдистой осени в такт мы смеемся и плачем,
сумасбродным извивам подвержены оба,
потому что нельзя нам, нельзя нам иначе
приобщиться к величью блаженства и гроба.

Лазурные волны

Разгулялось отчаянно синее море...
пусть на судне и крики, и тряска, и паника,
оставаясь единой в веселье и в горе,
неизменно спокойна походка механика.

Уж от горя седой — в постоянстве угрюмом
он приводит в работу крюки и сцепления;
каждый шаг его загодя твердо обдуман,
и пугающе зорки его исчисления.

Для себя самого ему нужно так мало —
лишь вверяться волнам с их ударностью тяжкою!
Не меняя лица — варианта овала,
бьется сердце как молот под старой тельняшкой.

С корабельных поспешно обструганных досок
мастер мудрый седой устраняет неровности.
Непослушные тросы — оснастку матроса
он упорно приводит к служебной готовности.

И в какие б моря не влекло капитана
величаво направить громаду «Титаника»,
свой отсек до отказа блюсти неустанно
остается в удел грамотею механику.

Василий Геронимус

Шум электрички, слабый, приглушенный,
проходит редко сквозь густую згу.
Все блекнет. Только серые вороны
виднеются на горестном снегу.

И я, бродя пугливыми шагами
по пустоши в заношенном пальто,
гнетущих впечатлений пестрой гамме
предпочитаю легкое ничто.

Отрекшись от игры кричащих красок,
иду к осинам от земных сует.
Предпочитаю блеску ложных масок
простор погоста, бледный полусвет.

Стоят в безлюдье тощие осины,
и в длинном непонятном полусне,
как зыбкий отсвет роскоши старинной
поблескивает Чехова пенсне.

Писатель, славный редким чувством меры,
о вычурных свершеньях не мечтал,
всем прочим превращеньям спектра — серый,
печально мудрый тон предпочитал.

Лазурные волны

И я хочу быть сдержанным наружно,
но искру красоты в душе нести.
А солнце нам с небес сводить не нужно
на полном сора жизненном пути.

Шум электрички, слабый, приглушенный,
проходит редко сквозь густую згу.
Все блекнет. Только серые вороны
виднеются на горестном снегу.

Василий Теронимус

Поселковая стужа чудовищно старит
И пронзает до серой осенней тоски.
Ах, зачем же, зачем же мне душу мытарит
перебранка пустая далеких такси!

Луговину предсердия чуточку ранят,
Возникая на холоде лунки мирки.
Но в метели по-прежнему слепят и манят,
И по-прежнему редко рябят огоньки.

Нескончаемо тянутся хмурые дали,
Ветер рвется тайгу довести до беды.
В зыби серые стекла ужасно устали,
Нестерпимо устали от быстрой езды.

Из игольчатой вьюги не видно исхода,
Крик стремится наружу: где ты, человек!
Пусть меняется вместе с сезонами мода,
Как в былые века, в поле кружится снег.

Угловатое чувство служебного долга
Мне велит не лениться. Но мозг мой устал.
И хозяйство валится из рук!.. Слишком долго
Я по мерзлым диковинным весям плутал.

Лазурные волны

Дорогая, смотри, иступленно сияя огнями,
поезд номером два ноль шесть три в предосеннее катится.
Мирозданье в грядущее катится черными днями,
несмотря на большие отличные все показатели.

Почему-то всегда с неизбывною легкою грустью
я в истоптанных ботах встречаю большое и новое.
Уношусь от чугунного звона к души захоластью,
поспешаю от яркого солнца в затменье сосновое.

Предосенней тоски калькулятором я не исчислю,
лишь когда-нибудь резкая боль понемногу уляжется...
Так я льщу себе исподволь этой приглаженной мыслью,
хоть и знаю как старую басню: мне только так кажется!

А бывает напротив — все с виду понуро и скудно,
и однако стремительно вверх поползло настроение...
На ветвистых березах предместий доходчиво чудно
золотятся в иконном затишье листы предосенние.

Наступает внезапное в тонкой душе ликование,
в восприимчивых легких предвечный покой ощущается.
Наводняет глубины ушей голубей воркованье,
и укромная жизнь постепенно ко мне возвращается.

Под глухие удары настойчивой цифры семнадцать,
поражающей разум в нечетной своей угловатости,
от волненья земного я внятно готов оторваться,
испытавши прилив ниоткуда ворвавшейся радости.

Василий Теронимус

Ах, прости, дорогая, капризною волею судеб
как разлив океана я вечно не ведаю меры!
Потому, выходя с легкой тростью отшельника в люди,
я одежды пошив избираю спокойный и серый.

Слишком долго таранила хрупкое сердце поэта
в своевольных зигзагах ненастной судьбы угловатость.
И живучую боль от неонов томящего света
я за сдержанным тоном стараюсь решительно прятать.

Но подчас невзначай неуживчивость ноты скандальной
прорывается криком сквозь камня характер спокойный.
Так порой заглушая чудовищный грохот кандаальный,
тянет песню разбойник, и сникнув, немеет конвойный.

Ах, прости, дорогая, мои озорные замашки,
почему я внезапно хватаюсь за нож неизвестно.
Как бывает преступнику тесно в железной рубашке,
мне нередко и в зале вместительном кажется тесно.

Кто сказал, что с чеканом законности я не считаюсь?
Ах, и сам я не знаю, куда от себя надеваться!..
Но и в диком брожении крови я хотя бы пытаюсь,
посещая знакомых, как можно скромней одеваться.

Лазурные волны

Я свой век обитаю в отдельной московской квартире,
все налажено ровно в привычном моем обиходе.
И автобус с усталыми окнами номер четыре
регулярно от дома к метро близлежащему ходит.

Но врезается в душу безумная цифра тринадцать,
ничего она дельного, я полагаю, не значит.
И от боли щемящей не зная, куда подеваться,
вольный маятник сердца шагами аршинными скачет.

Разве следует гнаться за счастьем пустым и удачей?
Может быть, обманув ожидания, ровно напротив,
есть прозрачность алмаза в сердечном пронзительном плаче,
почерк радости неизъяснимой немножко юродив.

В стеклянистой среде едет-едет московский автобус,
наших судеб излучины обувью блещут непарной.
Но и в старости хмурой свою продолжая учебу,
своенравной любви ни один не загасит пожарный.

Осень светится взглядом диковинным изжелта-карим,
я к тебе, водопьяное чудо, пришел как к невесте...
Так давай же огнистую осень друг другу подарим,
посмеемся до колик и ясно поплачем же вместе!

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Содержание

Василий Геронимус	5
Елена Соловьева	43
Елена Янова	98
Кирилл Рожков	104
Алма Вауап	122
Станислав Фишель.....	141
Алла Волкова.....	155
Евгений Гусаченко	166
Виктория Джура	184
Елена Веселова.....	207
Сергей Семенов.....	229
Мария Зутикова	234
Людмила Лукьянченко.....	238
Светлана Фомина.....	291
Виталий Никонов.....	308
Ольга Гуркина.....	313
Алена Хальзова	321
Дмитрий Фролов–Буканов	333
Екатерина Сосновская	341
Вера Бартон	351
Миаморту.....	359
Марина Сорокина.....	363
Стелла Синякова	371
Зоя Кочеткова	384
Нина Майорова	389
Владислав Цылев	401
Татьяна Помысова.....	409

Время года — надежда

Редактор тома

Верстка

Корректор

Главный редактор издательства

Т. Помысова

Л. Васильева

Т. Брылёва

И. Знаешев

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.piterbooks.ru

Подписано в печать 01.10.12

Формат 70x108 ¹/₃₂. Объем 28 усл. печ. л. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.